

Сергей Нечаев

Дуэли

**САМЫЕ ЯРКИЕ,
САМЫЕ ТРАГИЧЕСКИЕ
И САМЫЕ НЕЛЕПЫЕ**

Сергей Нечаев

**Дуэли. Самые яркие, самые
трагические и самые нелепые**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2021

УДК 94:929
ББК 63.3(2)+63.3(4)

Нечаев С. Ю.

Дуэли. Самые яркие, самые трагические и самые нелепые /
С. Ю. Нечаев — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2021

ISBN 978-5-6046511-0-0

В.И. Даль считал слова «поединок» и «дуэль» синонимами. Дуэлью он называл «поединок с известными обрядами, по вызову». В более широком смысле – это «состязание, борьба двух противоборствующих сторон». Дуэль относится к разряду популярных исторических сюжетов, привлекающих внимание не только историков-профессионалов, но и широкой публики, знакомой с этой темой в первую очередь по историческим романам и фильмам. Последние (особенно романы Александра Дюма) и сформировали определенный стереотип восприятия поединка, который в современном массовом сознании прочно ассоциируется с такими понятиями, как честь, благородство и справедливость. На самом деле поединок, как и любое историческое явление, за свою многовековую историю претерпевал существенные изменения, а его правила трансформировались в зависимости от времени и страны. Книга предназначена для широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94:929
ББК 63.3(2)+63.3(4)

ISBN 978-5-6046511-0-0

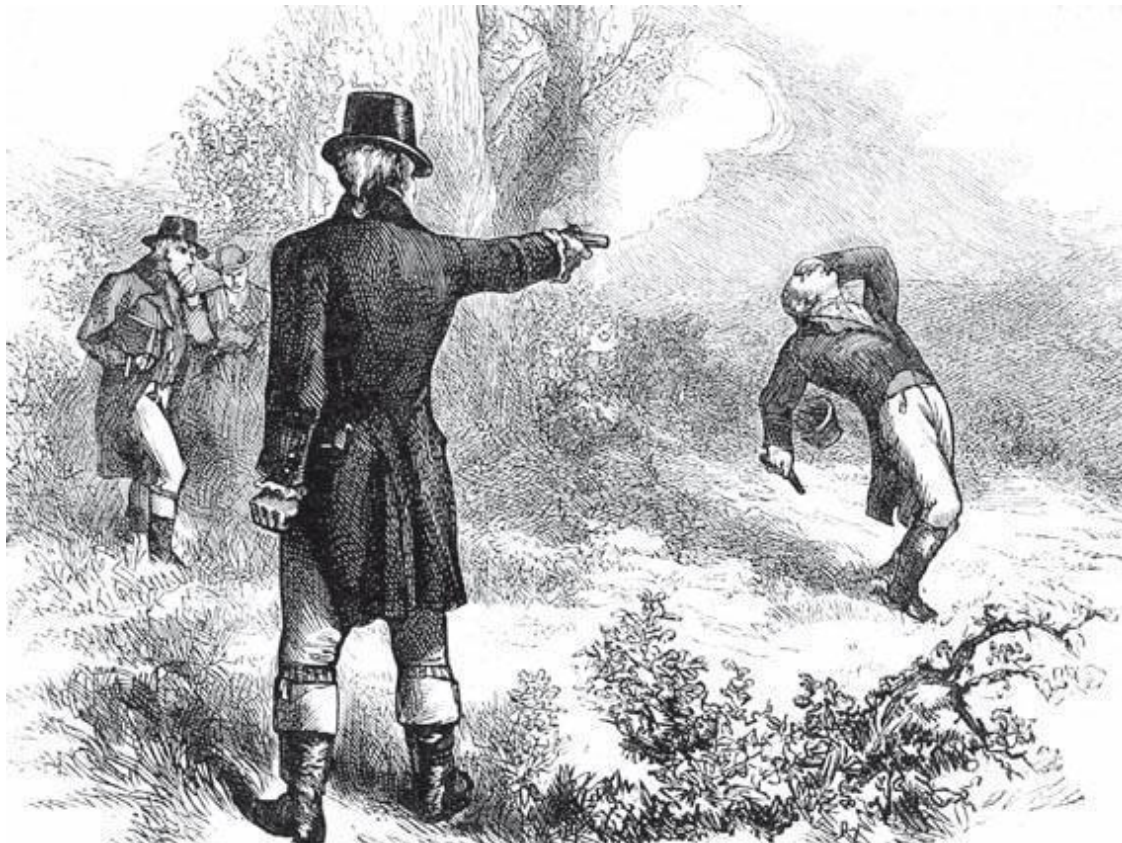
© Нечаев С. Ю., 2021
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	12
Удар Жарнака	12
Дуэль, приведшая на эшафот	15
Смертельная ссора	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Нечаев

Дуэли. Самые яркие, самые трагические и самые нелепые

© Нечаев С.Ю., 2021

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2021

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

Предисловие

Знаменитый русский лексикограф и автор «Толкового словаря живого великорусского языка», на составление которого у него ушло 53 года, В.И. Даль считал слова «дуэль» и «поединок» синонимами. Дуэлью же он называл «поединок с известными обрядами, по вызову». Современный «Толковый словарь» определяет дуэль так: это «поединок между двумя противниками по вызову одного из них, происходивший с применением оружия». В более широком смысле – это «состязание, борьба двух противоборствующих сторон».

По понятным причинам дуэль относится к разряду популярных исторических сюжетов, привлекающих внимание не только историков-профессионалов, но и широкой публики, знакомой с этой темой, в первую очередь, по историческим романам и фильмам. Последние (особенно романы Александра Дюма) и сформировали определенный стереотип восприятия дуэльного поединка, который в современном массовом сознании прочно ассоциируется с такими понятиями, как честь, благородство и справедливость.

На самом деле, дуэль, как и любое историческое явление, за свою многовековую историю претерпевала существенные изменения, а ее правила трансформировались в зависимости от времени и региона.

Вот, например, что было написано об этом в «Учебнике уголовного права» 1865 года:

«Дуэль или поединок есть правильный бой смертоносным оружием, условленный между двумя лицами в видах достижения удовлетворения за оскорбление чести.

Бой должен быть условленный. В этом отношении различают дуэль по предварительному уговору, в которой согласие на бой получено уже наперед, и так называемую *rencontre* [встреча – *Авт.*], при которой поединок начинается немедленно вслед за быстро воспоследовавшей взаимной на него решимостью. *Rencontre* носит на себе точно так же все признаки боя по уговору и должна быть поэтому рассматриваема как настоящая дуэль. Напротив того, совершенно не подходит под понятие дуэли так называемое внезапное нападение (*attaque*), то есть вооруженное нападение с вызовом на оборону. Защита атакованного есть скорее защита себя на основании необходимой обороны; напротив того, атакующий подвергает себя за употребление насилия суду обыкновенных законов о телесных повреждениях и убийстве.

Поединок без смертоносного оружия лишается добросовестного и благородного характера дуэли. Равным образом, дуэлянты выходят за пределы понятия дуэли, коль скоро дозволяют себе намеренное нарушение условленных правил боя. Стало быть, и нанесенные при таком неправильном поединке раны или причиненная смерть должны облагаться обыкновенными наказаниями этих преступлений.

Ежели основанием боя является не удовлетворение за действительное или мнимое оскорбление чести, то таковой бой не ради чести не может считаться поединком в техническом смысле слова, а дуэль имеет право на применение к ней особенных законодательных постановлений только потому, что она есть бой за честь».

Правильный бой... Добросовестный и благородный характер... Оскорбление чести... Бой за честь... На эти ключевые слова обращает внимание и культуролог Ю.М. Лотман, который считает, что «дуэль представляет собой определенную процедуру по восстановлению чести и не может быть понята вне самой специфики понятия «честь» в общей системе этики <...> дворянского общества».

Он же указывает на то, что «идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного законодателя поведения».

А вот как рассуждал в 1870 году публицист и теоретик народничества Н.К. Михайловский:

«Было время, когда люди выходили на поединок, как на «суд божий», для решения своих личных вопросов. Они верили, что «пуля виноватого найдет», что божественные деятели непременно снизойдут до их домашних дел и дрызг, примут в поединке сторону правого, дадут ему победу и поразят виноватого. Прошли года, и эта вера в возможность и необходимость ежеминутного вмешательства божества в человеческие дела исчезла. <...> Но история вложила новое содержание в старую форму. Поединок, как суд божий, исчез, но мы имеем поединок, как суд чести. Убедившись, что божество не следит за каждым их шагом, люди создали себе новое божество – честь. <...>

Что такое «дуэль, как суд божий»? Это, во-первых, испытание – кто прав и кто виноват, и современная дуэль, как суд чести, представляет то же самое: и там и здесь виноват погибший и прав уцелевший. Это, во-вторых, очищение греха перед божеством, как современная дуэль есть искупление греха перед честью. Но в первом случае дело предоставляется решению ясно и цельно представляемого сверхъестественного, но человекоподобного существа, тогда как во втором дело решается честью, то есть специализированной, обособленной, отвлеченной категорией, частицей психического механизма, оторванной от своего целого. Как чистая истина, чистое искусство, абсолютная справедливость, богатство для богатства, так и честь дуэлиста созданы одним и тем же процессом общественных дифференцирований. И, как все остальные отвлеченные категории, из которых пытаются вывести какое-либо практическое правило, честь, в дуэльном смысле, есть ни что иное, как возведение факта данной минуты в принцип, рабское поклонение эмпирическим формам общественности. Человек воображает, что он, идя на дуэль, отрекается от своих чувств, помыслов, от всей своей жизни, и перед ним, как одинокий маяк, блестит только одна честь. Но никакого отречения тут, очевидно, нет: в его понятии о чести, неведомо для него самого, сконцентрированы, сдвинуты все те эмпирические условия жизни, среди которой он вырос и которую он, по-видимому, приносит в жертву чести».

Короче говоря, как писал Пьер Корнель, «я всякую беду согласен перенести, но я не соглашусь, чтоб пострадала честь».

С другой стороны, графиня Евдокия Петровна Ростопчина утверждает в своих «Очерках большого света»:

«Поединок почитался безвинным средством доказать личную храбрость, благоприятным случаем заслужить известность, проучить друга и недруга, избавиться от соперника. Дуэлист был уважаем товарищами и хорошо принят в кругу женщин, особенно если дрался за женщину или за то, чтобы обесславить женщину. И многие из нас за счастье вменяли себе быть героями или, по крайней мере, свидетелями поединка. Я помню человека, который три года носил черную повязку на лбу после знаменитого поединка, где он был секундантом, хотя не был даже оцарапан. Большой краснбай, он рассказывал мастерски о своих мнимых ранах, своем великодушном посредничестве, гонениях, которым подвергся, и женщины со смешным легковерием воздвиглиobelisk славы искусному ловителю их благосклонности! Спасительная строгость законов не удерживала новых рыцарей, искателей приключений – рубились и стрелялись беспрестанно, и когда дело кончалось худо, убитого хоронили с почестями. <...>

Поединок – это испытание, где сильный непременно попирает слабого, где виновный оправдывается кровью побежденного, где хладнокровие бездушия одолевает неопытную пылкость, ослепленную страстью и заранее обезоруженную собственным волнением, поединок – это убийство дневное, руководствуемое правилами!.. И на каких правилах, Боже мой, основан он, свирепый поединок!.. Какая страшная, какая чудовищная изысканность определила законы делу беззаконному, рассчитала возможности смертоубийства, назначила случаи, позволяющие человеку безупречно метить в свою жертву, обезоруженную, если ему выпадет выигрыш в этой безнравственной лотерее!..»

Безнравственная лотерея... Убийство по правилам... Наверное, эта женщина, жившая в первой половине XIX века, знала, о чем говорила.

Уже после ее смерти в журнале «Отечественные записки» за апрель 1876 года была приведена следующая трактовка:

«Оскорбление может быть вполне удовлетворено законным путем, а дуэль в тех только случаях и позволительна, когда наносится оскорбление такого свойства, которое или не может быть удовлетворено законным путем, или когда удовлетворение законным путем неизбежно подвергло бы огласке и компрометировало бы третьи лица».

Испытание, где сильный непременно попирает слабого? Но честный поединок обязательно предполагает более или менее равное искусство владения оружием. Если же человек опытный вызывает на дуэль человека, не умеющего владеть шпагой или пистолетом, то он, как отмечалось в журнале «Отечественные записки», «совершает дело, равносильное тому, как если бы он, вооруженный, напал на человека безоружного на улице и убил его без всякого вызова. А человек, принимающий при подобных условиях вызов на дуэль, должен быть прямо признан или идиотом, или помешанным».

Идиотом или помешанным?

К сожалению, такого человека или человека, слишком легко идущего на примирение, в большинстве случаев называли бы трусом. Хотя это и не трусость вовсе. Плюс, как сказал кто-то из древних, «одинаково трусливы и тот, кто не хочет умирать, когда надо, и тот, кто хочет умереть, когда нет в этом надобности».

Ключевые слова тут – «умирать, когда надо».

А когда надо?

И кто это определяет?

Во всех государствах, независимо от того, признавалась там дуэль преступлением или нет, относительно дуэлянтов (в особенности же – бретеров) принимались соответствующие меры безопасности в виде предупреждения и пресечения дуэлей, как несомненного общественного зла. Там же, где дуэли были безусловно запрещены, исходили из тех соображений, что дуэль – это одна из форм самоуправства, посягательства на установленный порядок, сопровождающегося причинением вреда жизни и здоровью ближнего.

Независимо от этого указывалось, с одной стороны, на несогласие поединков с правилами христианской веры и вытекающими из нее правилами морали, а с другой стороны – на нецелесообразность их, так как при несправедливой обиде она может быть решена путем судебного преследования обидчика и любыми другими дозволенными средствами.

Защитники дуэли всегда ссылались на обычай, который якобы вытекает из установившихся понятий о чести и благородстве. Да, поединки являются наследием рыцарских времен, когда они были одним из необходимых элементов тогдашней общественной жизни. В судебных процессах доносителю приходилось доказывать свое обвинение, а обвиняемому доказывать свою невиновность посредством очистительной присяги, данной при свидетелях, которые подтверждали, что обвиняемый говорит правду. Но в случае, если обвиняемый таких свидетелей не находил, или обвинитель отводил их, тогда имел место Суд Божий, одна из форм которого заключалась в поединке. Следовательно, поединок был одним из средств восстановления поруганной чести. Но было и другая сторона – поединки в среде высшего сословия считались одним из выражений удалства.

По мере развития цивилизации дуэли все более и более приобретали значение нарушения общественного порядка и христианского благочестия, вследствие чего начали появляться более или менее строгие их запреты.

Возьмем для примера Францию. Там на дуэлях погибало больше дворян, чем в сражениях. «Из убитых на дуэлях можно составить целую армию», – отмечал писатель XVII века Теофиль Рено, а Мишель де Монтень говорил, что даже если поместить трех французов в ливийскую пустыню, то не пройдет и месяца, как они перебьют друг друга.

Еще Трентский собор, открывшийся по инициативе папы Павла III 13 декабря 1545 года, запретил государям устраивать судебные поединки под угрозой отлучения и объявил отлученными *ipso facto*¹ всех участников, секундантов и зрителей дуэлей. Однако во Франции положения Собора никогда не были признаны. Впрочем, французское духовенство все равно продолжало нападать на практику дуэлей, и громовые проклятья не стихали на протяжении XVI и XVII вв.

Считается, что государственные запреты во Франции приняли вид «суровости на словах и снисходительности на деле». Например, короли Генрих IV и Людовик XIII издавали не только эдикты против дуэлей, но и многочисленные помилования дуэлянтов (один Генрих IV даровал около семи тысяч таких помилований за девятнадцать лет).

В 1665 году папа Александр VII осудил положение о том, что будто бы принятие вызова на дуэль оправдывается опасением быть обвиненным в трусости. Но все равно дуэли повторялись чрезвычайно часто и нередко принимали характер маленьких сражений, ибо в бою участвовали и многочисленные секунданты, которых было порой до пятнадцати человек с одной стороны, причем поводы для дуэлей были в значительной части случаев самые ничтожные или даже нарочно созданные самими бретерами.

Во Франции при Генрихе IV в течение восемнадцати лет погибло от дуэлей до 4000 дворян, при Людовике XIII, несмотря на суровые меры кардинала де Ришелье, в течение десяти лет погибло от дуэлей 940 дворян.

Опыт Франции, равно как и других государств, свидетельствует, что для прекращения дуэлей одного лишь запрещения их (хотя бы и с угрозой самого тяжкого наказания) было недостаточно. Необходимы были еще и меры нравственного характера. Однако с этим долгое время имели место большие проблемы. Более того, так называемые «суды чести» рассматривали дела об оскорблении чести и достоинства, невзирая на общее запрещение поединков, и они очень часто признавали неизбежность дуэли. И получалось, что закон противоречил самому себе: он позволял то, что запрещалось.

В России впервые дуэли начали практиковаться при Петре I, в военном сословии, и вызвано это было законодательным постановлением (артикул 145), в котором говорилось:

«Ежели кто кого ударит по щеке, одного пред всею ротою профос² имеет тако ж ударить».

В 1787 году Екатерина II издала манифест о поединках, в котором установила подобие судов чести из лиц, избираемых сторонами, но при этом поединки при ней были запрещены безусловно. Императрица недвусмысленно указывала на то, что поединки – это «предубеждения, не от предков полученные, но перенятые или наносные, чуждые». Это было сказано в том же 1787 году. А вот ее внук, император Николай I, высказывался еще резче: «Я ненавижу дуэли; это – варварство. На мой взгляд, в них нет ничего рыцарского».

Русский писатель, журналист, историк быта и публицист В.О. Михневич писал:

«Дуэль – глупый предрассудок, но очень удобный для «порядочных людей», потому что посредством его можно погашать самые запутанные и неопрятные счета. Как это ни странно, но дуэль очищает в глазах известного слоя общества любого принадлежащего к нему негодая, а в особенности, когда пуля-дура его оцарапает».

Он называл дуэль сортом «честных убийств». А еще он писал:

«Причины большей части дуэлей и герои этих последних одни и те же. <...> Рыцарского здесь очень немного и еще меньше простого человеческого смысла. Это просто трактирные скандалы, возникающие под влиянием винных паров, в неряшливой обстановке, по крайне неблагоприятным и глупым поводам, отнюдь не аттестующим их героев со стороны культуры».

¹ В силу самого факта.

² В Военском уставе Российской империи, изданном Петром Великим 30 марта (10 апреля) 1716 года, профосам было предписано исполнять полицейские обязанности.

и благовоспитанности. <...> Таков именно характер и такова завязка большинства совершающихся у нас дуэлей, которые притом практикуются почти исключительно в узком, обособленном мирке праздной, прожигающей жизнь молодежи, причисляющей себя к «сливкам общества». Дуэли между людьми солидными и серьезными происходят у нас очень редко».

Так и нужно ли было рисковать жизнью ради всего этого?

Литературовед Н.Л. Бродский уверяет нас, что дуэль – это «порожденный феодально-рыцарским обществом обычай кровавой расправы – мести», сохранявшийся в дворянской среде, «видевшей в этом способе защиты чести одну из форм, выделявших «благородное» сословие от прочих».

А вот Оноре де Бальзак считал, что дуэль – это «детская забава, дурость».

Ги де Мопассан устами одного из своих героев задавался вопросом:

«Неужели мерзавец перестает быть мерзавцем только оттого, что дрался на дуэли? И с какой радости честный человек, которого оскорбила какая-то мразь, должен подставлять свою грудь под пули?»

Ему вторил Эрнест Хемингуэй:

«По-настоящему храбрым людям незачем драться на дуэли, но это постоянно делают многие трусы, чтобы уверить себя в собственной храбрости».

Дуэль Евгения Онегина и Владимира Ленского.

Худ. И.Е. Репин (1899)

Актер же и поэт Леонид Филатов выражал свое отношение к данной проблеме несколько иначе:

*Не важно то, что вас нечаянно задела,
Не важно то, что вы совсем не из задир,*

*А важно то, что в мире есть еще дуэли,
На коих держится непрочный этот мир.
Не важно то, что вы в итоге не убиты,
Не важно то, что ваша злость пропала зря,
А важно то, что в мире есть еще обиды,
Прощать которые обидчику нельзя.
Не важно то, что вас мутит от глупой позы,
Не важно то, что вы стреляться не мастак,
А важно то, что в мире есть еще вопросы,
Решать которые возможно только так.
Не важно то, что для дуэли нет причины,
Не важно то, что ссора вышла из-за дам,
А важно то, что в мире есть еще мужчины,
Которым совестно таскаться по судам.*

Данная книга не имеет целью решить какие-то философские вопросы. И автор ее далек от того, чтобы навязывать кому-то свое мнение по данной проблематике. Он просто собрал несколько десятков историй о дуэлях, имевших место в разные эпохи, в разных странах и между совершенно разными по своему характеру и общественному положению людьми.

Ну, а выводы?

Это пусть каждый делает сам...

Глава первая Дворянские дуэли

Удар Жарнака

В 1547 году при дворе короля Франциска I выделялись два молодых человека. Они были почти ровесники (один родился в 1520 году, а другой – в 1514-м) и в той местности, откуда приехали, жили по соседству. Обоих в свое время произвели в королевские пажи, а затем Его Величество принял их на рыцарскую службу, как когда-то их отцов. Они всегда были вместе, и отношения их нельзя было назвать иначе, как братскими.

Одним из них был Франсуа де Вивонн, сеньор де Ля Шатеньерэ, младший сын Андре де Вивонна, главного сенешаля Пуату. Им восхищались, уважая и ценя не только за то, что он был фаворитом короля Франциска I, а впоследствии и короля Генриха II, но и за его природную красоту, отличные манеры и величественную статью, а еще больше – за добросердечность, неукротимый дух и опыт в ратном деле.

Второго звали Ги Шабо де Сен-Желе. Это был второй сын барона де Жарнака, сеньора де Монлье и Сен-Желе, и при дворе он был известен как барон де Жарнак.

К сожалению, дружба этих молодых людей неожиданно прервалась из-за опрометчивого поступка Вивонна, передавшего королю сплетню, в которой затрагивалась честь Жарнака, а также честь дамы, уже почти связанной с ним узами брака. Франциск в эту сплетню не поверил, но, тем не менее, посчитал ее веселой шуткой, вполне уместной для того, чтобы поддеть Жарнака. Однако тот не увидел в этом ничего смешного и с возмущением потребовал осуждения Вивонна за клевету. Более того, он публично заявил, что кто бы ни пустил слухи про него и его даму, тот рано или поздно «подавится собственными словами, как последний из мерзавцев».

Франсуа де Вивонн, в свою очередь, был возмущен обвинением в клевете и стал настаивать на скорейшем поединке с Жарнаком. Он был уверен, что опыт бойца обеспечит ему победу, и подал королю Франциску прошение, чтобы тот разрешил им биться насмерть. Жарнак же, со своей стороны, тоже рвался в бой, дабы с оружием в руках защитить свое честное имя и имя своей прекрасной дамы. Но король, чувствуя, что часть вины за ссору лежит на нем самом, наотрез отказал юношам в их просьбе. Впрочем, прошло не так много времени, как король умер (31 марта 1547 года), и на смену ему пришел Генрих II из той же династии Валуа. Но Вивонн не забыл ссоры и вновь подал прошение уже новому королю, чтобы тот позволил им «уладить дело». И Генрих дал разрешение на бой, распорядившись, чтобы он прошел в его присутствии через тридцать дней. При этом он предупредил, что побежденный и все его наследники будут разжалованы, лишены благородных званий и всех дворянских прав и привилегий.

Итак, у противников был месяц на подготовку. Франсуа де Вивонн, полный уверенности в собственных силах, не особенно заботился о тренировках, Жарнак же, напротив, повсюду просил добрых людей молиться за себя и прибег к услугам искусного итальянского учителя фехтования.

По решению короля Генриха бой должен был состояться 10 июля 1547 года на должным образом подготовленной арене в Сен-Жермен-ан-Лэ, где находилась резиденция Его Величества. Старый барон де Жарнак, которому сообщили о поступке его сына, был весьма им доволен и заявил, что если бы молодой человек не решился на выяснение отношений, то он сам бы сразился с де Ля Шатеньерэ. Эти слова крайне воодушевили молодого Жарнака, который

в указанное время прибыл в Сен-Жермен в сопровождении своего секунданта месье де Буаси. Прибыл и его противник, а с ним граф д'Омаль.

Арена была возведена рядом с парком Сен-Жермен. Герольд огласил обычное в таких случаях требование к зрителям: никто из присутствующих не должен подавать никому из участников поединка знаков, которые могли бы обеспечить тому преимущество.

Вивонн, уверенный в собственной победе, построил неподалеку от арены роскошный шатер, в котором был приготовлен великолепный стол, к которому уже заранее пригласили короля и весь двор, чтобы должным образом отпраздновать победу.

И вот он появился в сопровождении секунданта и трех сотен своих людей, одетых в его цвета – алый и белый. За ним появился и ответчик – Жарнак со своим секундантом и отрядом поддержки числом в сто двадцать человек.

Жарнак, как лицо, принявшее вызов, имел право выбора оружия и защиты в предстоящем поединке. И он выбрал все, как обычно. Плюс, по совету хитроумного итальянца, он назвал довольно редкий доспех для левой руки – «брассард» (brassard), прикрывавший руку от плеча до локтя и не имевший гибкого сочленения, так что рука в нем оставалась все время прямой. Это не мешало прикрываться щитом, но делало совершенно неприменимой борцовскую технику захватов и бросков. Друзья Вивонна возражали против использования «брассарда» на том основании, что это не общепринятая деталь доспеха, но высокомерие и гордыня не позволили долго спорить.

Оба участника поединка вышли на бой с одноручными мечами, обоюдоострыми и хорошо заточенными, с двумя большими кинжалами на боку и двумя маленькими кинжалами за голенищем сапога.

Бойцы начали сближаться. После обмена мощными ударами Жарнак метнулся в сторону, нанес противнику обманный удар в голову, и когда тот поднял щит, защищая голову, он вытянул руку с мечом так, что конец меча оказался за левым коленом соперника. Затем он быстрым возвратным движением взрезал тому нижнюю часть бедра. Этот несильный порез ошеломил Вивонна, и не успел он пошевелинуться, как Жарнак повторил движение уже с большей силой, и лезвие его меча прорезало ногу соперника до самой кости, рассекая все – сухожилия, сосуды, мышцы...

Сеньор де Ля Шатеньерэ упал на землю, а Жарнак, подойдя вплотную, громогласно потребовал:

– Верни мне мое доброе имя и проси прощения у Господа и короля за свое поведение!

А потом, будучи в полной уверенности, что встать раненый уже не сможет, Жарнак повернулся к королевской трибуне с вопросом, признан ли он теперь отстоявшим свою честь. Если признан, то он готов выдать Вивонна королю. Но, раздосадованный поражением своего любимца, король промолчал. Упавший же тем временем попытался встать на ноги, чтобы наброситься на Жарнака, но последний наставил на него острие меча и крикнул:

– Не двигаться, убью!

И Вивонн снова рухнул со словами:

– Так убей же!

Король, после недолгого обсуждения, согласился принять раненого, чья репутация в таком случае оставалась нетронутой, ибо он не сдался, но он вынужден был благодарить победителя за милосердие. После этого друзья могли подойти к раненому. И они перевязали ему раны, но Вивонн был настолько раздосадован поражением после всей своей похвальбы, что сорвал все повязки и в итоге умер от потери крови.

Во многих источниках утверждается, что удар, нанесенный Жарнаком, был не совсем честным приемом, поэтому любой подрез мечом ноги потом стали называть «ударом Жарнака». Это, конечно, неправда, и Ги Шабо де Сен-Желе никак не являлся изобретателем этого

приема. На самом деле техника эта входила в арсенал всех тогдашних учителей фехтования, которые в большинстве своем были итальянцами.

Итак, Франсуа де Вивонн, сеньор де Ля Шатеньерэ, погиб 11 июля 1547 года. Ги Шабо де Сен-Желе, барон де Жарнак, прожил гораздо дольше. Он дослужился до чина генерал-лейтенанта, женился на Луизе де Писселе и у них родилось несколько прекрасных детей. Но он тоже был убит на дуэли 6 августа 1584 года (ему в тот момент было... семьдесят лет).

Дуэль, приведшая на эшафот

Во Франции в XVII веке королевская власть пробовала бороться с поединками, издавая декларации и эдикты о том, что оскорбленные дворяне вместо дуэли обязаны в течение месяца подать жалобу в специальный Суд маршалов. А вот эдикт 1624 года предоставил Парижскому парламенту (высшему суду) юридическое основание для заочного осуждения виновных на смерть.

Кардинал де Ришелье, несмотря на свою личную трагедию (его старший брат, Анри дю Плесси, был убит в 1619 году на дуэли), советовал Людовику XIII соизмерять наказание с виной и не карать всех дуэлянтов смертью, а ограничиться «административным взысканием». Он предлагал лишь в случае смерти одного из участников поединка отдавать второго под суд.

Новый эдикт, изданный в 1626 году, предусматривал следующие меры: за вызов на дуэль – лишение должностей, конфискация половины имущества и изгнание из страны на три года. За дуэль без смертельного исхода – лишение дворянства, осуждение или смертная казнь. За дуэль со смертельным исходом – конфискация всего имущества и смертная казнь. Дуэль с привлечением секундантов расценивалась как проявление трусости и подлости и каралась смертью вне зависимости от ее исхода.

Первым этот эдикт нарушил Роже де Шуазель-Прален, и его за дуэль с маркизом де Вардесом изгнали, несмотря на заслуги его отца, и лишили должностей королевского генерал-лейтенанта в Шампани и бальи Труа.

А потом пострадал Франсуа де Монморанси-Бутвилль, имевший дерзость устроить дуэль с двумя секундантами с каждой стороны на Королевской площади и среди бела дня.

Трагическая судьба этого графа заслуживает отдельного рассказа. Франсуа де Монморанси-Бутвилль дрался с 15-летнего возраста. Ко дню гибели на его счету было, как минимум, двадцать две дуэли, причем всякий раз он демонстрировал полное пренебрежение к каким бы то ни было законам.

В 1624 году он дрался с графом де Понжибо в день Пасхи, несколько раз сражался и в Христово воскресенье, в том числе и 1 марта 1626 года, в день, когда король подписал очередной эдикт, направленный против дуэлей.

Роковая для Монморанси-Бутвилля дуэль состоялась на Королевской площади 12 мая 1627 года. Вместе с кузеном, Франсуа де Ромадеком графом де Шапеллем, который выступал в роли секунданта, он бился против Ги д'Аркура графа де Беврона и маркиза Анри де Бюсси-д'Амбуаза.

Отметим, что граф де Шапелль, несмотря на незавидные физические данные, был крайне искусным фехтовальщиком и опытным дуэлянтом. Глубоко преданный де Монморанси-Бутвиллю, он выступал в качестве секунданта в большинстве дуэлей, в которых тот дрался.

Граф де Беврон очень хотел отомстить за недавнюю гибель де Торины, своего старого друга, лишённого жизни де Монморанси-Бутвиллем. И он отправился вслед за ним в Брюссель, который тогда был столицей Испанских Нидерландов, где правила регентша Изабелла. Когда ей доложили о прибытии двух заклятых врагов, она, опасаясь легко предсказуемых неприятностей, велела их арестовать. Дав ей в итоге слово не биться на дуэли во время своего нахождения в Испанских Нидерландах, де Монморанси-Бутвилль убедил королеву попросить Людовика XIII позволить ему вернуться во Францию. Но король Франции отказался дать разрешение на его возвращение. В ярости де Монморанси-Бутвилль поклялся, что все равно приедет в Париж и будет биться с де Бевроном, что являлось прямым вызовом авторитету монарха.

Де Монморанси-Бутвилль и де Шапелль вернулись в Париж тайно, переодетые и под вымышленными фамилиями. Накануне назначенной даты де Монморанси-Бутвилль и де Бев-

рон встретились на Королевской площади, чтобы обсудить условия, в соответствии с которыми они будут драться на следующий день после полудня. Де Монморанси-Бутвилль назначил секундантом графа де Шапелля, а де Беврон сказал оппоненту, что его будет представлять маркиз Анри де Бюсси-д'Амбуаз.

На следующий день главные участники дуэли приехали на Королевскую площадь с третьим ударом часов и, не желая терять время, сбросили камзолы (они договорились драться в рубашках) и заняли позиции.

Одновременно с ними скрестили шпаги и секунданты.

Трудно сказать, как долго продолжалась дуэль: оценки тут довольно разнообразные – от нескольких минут до часа. В равной степени нелегко установить, какие именно раны нанесли друг другу основные участники. В одном рассказе утверждается, что они буквально падали от усталости, изнеможения и потери крови, в другом, напротив, говорится, что они прекратили дуэль все еще без единой раны после нескольких минут демонстрации парочки-другой приемов высокой техники фехтования.

Тем временем де Шапелль и Бюсси д'Амбуаз вели свой бой, представлявший собой фактически параллельную дуэль. Мы не знаем, как долго продолжался этот бой, но результат его известен: клинок де Шапелля вонзился в тело де Бюсси-д'Амбуаза, тот рухнул на землю и через несколько минут скончался.

Подчеркнем еще раз, что дуэлянты дрались ясным днем и на наиболее престижной тогда площади Парижа, а потому просто невозможно представить себе, что их поединок прошел незамеченным. И все понимали, что пора скрываться. Де Монморанси-Бутвилль и де Шапелль решили бежать в Лотарингию, тогда независимое герцогство, чтобы оказаться вне юрисдикции французского закона. Бретеры покинули Париж по дороге на Мо и после бешеной скачки поздно ночью достигли Витри-ле-Брюле, что в Шампани. Там они нашли комнату на постоялом дворе и легли спать.

А тем временем Людовику XIII донесли о нахальной дуэли, которая случилась прямо у него под носом. Взбешенный, он приказал схватить беглецов, особенно де Монморанси-Бутвилля. И беглецов схватили (графу де Беврону удалось скрыться), а потом их под усиленной охраной привезли в Париж и поместили в Бастилию.

Мало того, что дуэль происходила днем при большом стечении народа, она случилась накануне праздника Вознесения. Плюс она проходила на Королевской площади Парижа – прямо под носом у грозного кардинала, который жил там в особняке № 21. Это была блестящая дерзость и одновременно самая бессмысленная глупость. Это, по-видимому, и переполнило чашу терпения кардинала де Ришелье.

Не прошло и месяца, как суд вынес смертный приговор представителям двух знатнейших родов Франции. Ришелье, по его собственным словам, намеревался «перерезать горло дуэли». Точнее, он сказал королю так: «Мы перережем глотку либо дуэлям, либо эдиктам Вашего Величества». И хотя большинство дворянства требовало помилования, кардинал был неумолим. В результате дуэльная «звезда Франции» номер один и его кузен граф де Шапелль были казнены 22 июня 1627 года на Гревской площади.

Это произвело на общество сильное впечатление. И многие тогда говорили, что кардинал, сделавшись первым министром, «пробил» закон о строжайшем запрещении дуэлей лишь потому, что большая часть дворянства сочувствовала идеям Католической лиги и держала сторону Анны Австрийской, а посему сторонники кардинала постоянно подвергались публичным оскорблениям. Соответственно, они вынуждены были отвечать на оскорбления вызовами на дуэль, и многие после этого гибли от полученных ран. То есть утверждалось, что верных людей Ришелье было немного, и он просто решил так их защитить. Со своей стороны кардинал утверждал, что его желание упразднить столь варварский обычай было связано исключительно с

тем, что из-за него ежегодно гибли сотни храбрых дворян, которые могли бы верой и правдой служить королю и Франции.

К сожалению, демонстративная казнь не дала ожидаемого эффекта. Дуэли на какое-то время прекратились, но затем сила привычки взяла свое, и уже в следующем году при осаде Ла-Рошели офицеры, не колеблясь, прибегали к привычному способу выяснения отношений. А общество и далее оставалось терпимым к этому «благородному преступлению».

Смертельная ссора

Барон Чарльз Мохэн, родившийся в 1675 году, был известен в Англии не только как политик, но и своими частыми дуэлями и страстью к азартным играм. Его отец, кстати, умер вскоре после его рождения и тоже после поединка. От отца остались одни долги, и из-за этого Мохэн не получил приличного образования и был вынужден обратиться к азартной игре, чтобы поддерживать соответствующий образ жизни.

Потом Мохэн женился на Шарлотте Орби, внучке графа Макклсфилда, но, к сожалению, он не получил обещанного приданого, и пара вскоре после того распалась. В конце 1692 года игровой спор привел Мохэна к его первому поединку с графом Кассилисом. Потом Мохэна обвинили в убийстве актера Уильяма Мунтфорта. Барон был схвачен, предстал перед судом Палаты лордов, однако в феврале 1693 года его оправдали в связи с отсутствием прямых улик.

Затем была служба в армии, новые дуэли и новый суд. И новое оправдание, после которого Мохэн оказался в дипломатической миссии в Ганновере. А в возрасте 37 лет он погиб, получив смертельные ранения на дуэли с герцогом Джеймсом Гамильтоном. Дуэль эта имела место в лондонском Гайд-Парке 15 ноября 1712 года.

Герцог Гамильтон был на семнадцать лет старше. Он был генерал-лейтенантом и первым пэром Шотландии, а еще он прославился своим упрямым сопротивлением объединению с Англией в 1707 году. И он тоже умер 15 ноября 1712 года в результате поединка в Гайд-Парке, а произошел он из-за спора по поводу наследования состояния умершего графа Макклсфилда, упомянутого выше. Эта тяжба велась очень долго, и в результате все завершилось ужасной личной ссорой. Эта история известна в нескольких версиях.

В частности, в своих показаниях лакей Мохэна под присягой заявил, «что в четверг 13 ноября его хозяин пошел к мистеру Орлбару, хозяину судебного архива лорда-канцлера, где встретил герцога Гамильтона», что он слышал, как они «разговаривали на повышенных тонах, поскольку дверь, у которой он ожидал, оставалась открытой», что далее слышал, как герцог, читая показания мистера Уитворта, сказал, что в этих показаниях «нет ни правды, ни справедливости», на что Мохэн ответил, что знает мистера Уитворта «как честного человека, не менее честного и справедливого, чем Его Милость, после чего дверь закрыли».

Такова была первопричина ссоры, а теперь обратимся к показаниям других очевидцев.

Джон Пеннингтон, извозчик, рассказал, что в субботу, 15 ноября, около семи утра, получил вызов, и в его экипаж «сели милорд Мохэн и еще один джентльмен». Мохэн попросил отвезти его в Кенсингтон, но, проезжая мимо Гайд-Парка, приказал свернуть туда. У ворот их остановили, но они сказали, что направляются в резиденцию принца и их пропустили. Затем Мохэн спросил у извозчика, где они могли бы найти «чего-нибудь горяченького, а то утро уж очень холодное». Он посоветовал им дом возле Ринга. Подъехав к дому, два господина вышли из экипажа и попросили извозчика принести им подогретого вина, а сами пока решили прогуляться.

Джон Пеннингтон отправился в дом и сказал официанту, чтобы тот подогрел для двух джентльменов вина. Однако официант отказался это делать, заявив, что в такую рань сюда приезжают только для того, чтобы драться на дуэли. Извозчик ответил, что эти два джентльмена выглядели вовсе не воинственными, но все же решил пойти проследить за ними.

Тут к извозчику подошел слуга и сообщил, что возле его экипажа стоят два джентльмена, которые ищут хозяина. Извозчик бросился обратно и увидел рядом с экипажем герцога Гамильтона с еще одним господином. Герцог спросил, кого извозчик привез сюда, и тот ответил – милорда Мохэна и еще одного человека. Последовал вопрос, куда они пошли, на что извозчик показал направление, а сам бросился в дом и сообщил официанту, что за милордом

Мохэном с другом отправился герцог Гамильтон с другом и, похоже, действительно предстоит поединок.

Извозчик попросил официанта как можно скорее привести людей с палками, чтобы предотвратить возможное смертоубийство, а сам побежал вслед за своими пассажирами. Не добежав до них пятидесяти ярдов, он спрятался за дерево и видел, как герцог и милорд Мохэн сняли куртки, обнажили шпаги и начали яростно сражаться. А потом они оба рухнули замертво.

Джона Пеннингтона спросили: обнажили ли свои шпаги двое других джентльменов? Свидетель ответил: они обнажили шпаги, но не сражались. Они лишь бросились к дуэлянтам, как только те упали. Потом от дома прибежали двое с палками. Добежав до секундантов, они потребовали отдать им шпаги, что те и сделали.

Джона Пеннингтона спросили: знает ли он, кто были секундантами? Свидетель ответил, что одним из них был генерал Джордж Маккартни, и это сообщил ему лакей, когда они переносили барона Мохэна из экипажа в его дом на Марлборо-Стрит.

Вторым секундантом оказался полковник Гамильтон. 15 числа рано утром герцог Гамильтон послал к нему своего слугу с просьбой немедленно одеться и приехать. И при этом не забыть с собой шпагу. Потом они поехали в Гайд-Парк. Там они увидели экипаж наемного извозчика, но он оказался пустым. Найдя извозчика, они спросили его, где джентльмены, которых он привез. Тот указал направление, герцог с полковником и пошли по берегу пруда и вскоре встретили барона Мохэна и генерала Маккартни.

Подойдя поближе, герцог спросил, не опоздал ли он, а Маккартни ответил, что нет, он приехал точно ко времени. После этого герцог, повернувшись к Маккартни, сказал:

– Сэр! Вы тут ни причем, пусть же будет то, чему не миновать.

Маккартни ответил:

– Милорд, на то я и здесь!

Тогда уже барон Мохэн заявил:

– Этим джентльменам нечего тут делать!

Но Маккартни возразил и ему:

– Мы не пропустим свою долю!

Тогда герцог сказал, обращаясь к Маккартни:

– Тогда вот вам мой друг, он тоже поучаствует в наших танцах.

Все обнажили шпаги, и Маккартни тут же провел стремительную атаку против полковника Гамильтона. Тот парировал удар, но при этом сам себя ранил в подъем стопы. Затем он перешел в ближний бой с Маккартни и разоружил его со словами: «Ваша жизнь теперь в моих руках».

После этого он повернулся, увидел, как барон Мохэн упал, а герцог упал на него, и бросился герцогу на помощь. А Джордж Маккартни в это время удалился. Потом прибежали люди, и они, обнажив грудь герцога, обнаружили там рану: клинок вошел меж ребер, между левым плечом и соском.

В тот же день, 15 ноября 1712 года, доктор Ронджат, королевский хирург, получил вызов к герцогу Гамильтону, прибыл на вызов и обнаружил хозяина дома мертвым на постели. Герцог был одет. Доктор срезал одежду и, проведя осмотр тела, обнаружил, что артерия на правой руке перерезана, и именно это послужило непосредственной причиной смерти. Кроме того, было обнаружено еще две раны: одна – на левой стороне груди, вторая – в правую голень.

А что же Мохэн? Когда его привезли домой, его духовник отправился к господину Ля Фажу, известному хирургу, который, прибыв и осмотрев тело, обнаружил на нем три раны: одну – справа, прошедшую под углом через все тело насквозь и вышедшую над левым бедром; еще одну, очень большую – в паху справа (эта рана рассекла бедренную артерию, что и стало

непосредственной причиной смерти), а еще три пальца на левой руке покойного были почти отрезаны.

Одна из ран герцога Гамильтона (на правой ноге) была глубиной в восемь сантиметров. Несмотря на страшные повреждения, герцог оказался в состоянии нанести три ранения своему противнику, включая одно в пах. Еще одна рана, сквозная, была нанесена в правый бок, причем клинок вошел по самую рукоять.

По результатам проведенного расследования, все четверо участников дуэли получили обвинения в умышленном убийстве. При этом Джордж Маккартни бежал на континент, в Ганновер. После попытки репатриации его осудили заочно и лишили командования.

Чарльз Теккерей в своей «Истории Генри Эсмонда, эсквайра» высказывает такую версию произошедшего:

«Нет, герцог Гамильтон час назад убит на дуэли Мохэном и Маккартни; у них вышла ссора сегодня утром, и герцогу не дали даже времени написать письмо. Он успел только послать за двумя друзьями, и вот теперь он убит и негодай Мохэн тоже. Они дрались в Гайд-Парке перед заходом солнца, герцог убил Мохэна, и тогда Маккартни подскочил и кинжалом заколол герцога. Собаке удалось бежать».

А вот слова Джонатана Свифта:

«Нынче утром, в восемь часов, слуга сообщил мне, что герцог Гамильтон дрался с лордом Мохэном и убил его, а сам был доставлен домой раненым. Я тотчас же послал его в дом герцога на Сент-Джеймс-Сквер, но привратник едва мог отвечать из-за душивших его слез, а вокруг дома собралась большая толпа. Короче говоря, они дрались нынче утром, в 7 часов, и негодай Мохэн был убит на месте, но в тот момент, как герцог наклонился над ним, Мохэн успел всадить в него шпагу чуть не по самую рукоятку и, пронзив ему плечо, попал прямо в сердце. Герцога попытались перенести к кондитерской, что возле Ринга в Гайд-Парке, где и происходила дуэль, но он скончался прямо на траве, прежде чем его успели туда донести, и в восемь часов, когда несчастная герцогиня еще спала, был уже привезен в своей карете домой. Секундантами были Маккартни и некий Гамильтон; они тоже дрались друг с другом, и оба теперь скрылись. Поговаривают, что будто бы герцога Гамильтона заколол лакей лорда Мохэна, но другие утверждают, что это дело рук Маккартни. Мохэн оскорбил герцога и, тем не менее, сам же послал ему вызов. Я бесконечно огорчен гибелью несчастного герцога...»

Понятно, что это художественные произведения, но все же...

Эта кровавая дуэль имела и еще ряд важных последствий. Повреждения, полученные двумя дуэлянтами, были настолько ужасающими, что правительство срочно переделало законодательство. Кроме того, широкие шпаги, больше похожие на мечи, в дуэльной практике в скором времени заменили более «гуманными» пистолетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.